ISSN 0258-0802. LITERATŪRA 2002 44(2)

Статьи

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ В *ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ* Н. В. ГОГОЛЯ

Инга Видутирите

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Женская тема Гоголя нечасто затрагивается исследователями его творчества. И это в порядке вещей: сам писатель довольно редко обращался к изображению женщины или развитию соответствующей проблематики. Но эти редкие случаи оказались весьма выразительными, что великолепно, хотя и тенденциозно, сумел показать Саймон Карлинский[1]. Его книга, думается, повлияла и на выводы авторов в обзоре гоголевских исследований за 1974–1992 гг.: «Продуктивный феминистский подход к творчеству Гоголя еще не выработан, может быть, потому, что гоголевское представление о Женщине является слишком упрощенным и отталкивающим»[2]. Цель предлагаемого исследования – обобщение данной проблематики на материале последнего произведения писателя *Выбранные места из переписки с друзьями*, которое венчает женскую тему Гоголя и во многом предсказывает ее частично воплотившееся будущее.

Выбранные места – итоговое произведение Гоголя, которое появилось на свет вместо обещанного второго тома *Мертвых душ* и фактически стало продолжением первого. Как указал Юрий Манн, «самое сообщение о том, почему был сожжен второй том, Гоголь сделал в «Выбранных местах...». Новая книга выступала невольным антиподом неудавшемуся художественному опыту. Там не удалось указать «путей и дорог» к прекрасному «для всякого». Здесь вся книга являла собою воплощенное, материализованное указание»[3]. Но подобная связь по противоположности существует и относительно первого тома, да и вообще всего предыдущего творчества Гоголя. Противопоставление *Выбранных мест* предшест-

[1] Simon Karlinsky, *The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol*, Chicago and London: The university of Chicago Press, 1992.

[2] Susanne Fusso, Priscilla Meyer, «Introduction», *Essays on Gogol. Logos and the Russian Word*, Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1992, 4.

[3] Юрий Манн, *В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель – критика – читатель*, Москва: Книга, 1984, 200.

вующим произведениям развито у Василия Гиппиуса, который писал, что эта книга возникли из сознания ее связи «со всем его [Гоголя – И. В.] не только личным, но и творческим путем»[4], что корни представленной здесь этики, социологии и политики кроются в его главной идее «не отрицания, а преображения мира уродов» (следуя словам Гоголя, «в уроде почувствовать идеал того, чего карикатурой стал урод»)[5], и предложил всю систему преображенных гоголевских персонажей, получивших воплощение в *Выбранных местах*[6]. В отношении женщины здесь говорится: «Обращение к *жене-хозяйке* с призывом и поддерживать домашний порядок, и ободрять слабовольного мужа – имеет особое значение. Необходимым условием материального благополучия для обывательского «низшего круга» была *бабенка*; [...] Преображенному домашнему уюту должна соответствовать и преображенная бабенка – идеальная домоправительница»[7].

Общая схема, представленная Гиппиусом, верна, однако в ней не отражаются те стороны женской темы у Гоголя, которые непосредственно связаны с характером его сугубо оригинального дискурса, с языковой и стилистической тканью *Выбранных мест*, в которой заключается не менее важная для современного читателя интрига любого гоголевского текста. Как остроумно отметил Александр Жолковский, «'плохое' письмо плохо написанной книги Гоголя, в определенном смысле, было в ней лучшим»[8]. Исследователь делает вывод, что «все, в чем нуждается плохо написанная книга, это быть плохо прочитанной [...] Через «видимое миру», сокрушающее программное сообщение *Выбранных мест* мы будем способный ощутить и воспринять «невидимый смех»[9].

Комический эффект Жолковский усматривает, в частности, в том, что персонаж-нарратор здесь постоянно заботится о письме, но не в состоянии его контролировать. Подобное несоответствие направления авторской воли и текста как результата ее действия в другой связи отметил Михаил Эпштейн, обозначив это явление термином «ирония стиля», и подчеркнул, что «ирония стиля – важнейшая категория для изучения Гоголя, поскольку в ней обнаруживается власть эстетики отрицания над «конструктивным» сознанием самого Гоголя как патриота, гуманиста, религиозного проповедника»[10]. Этим понятием исследователь оперировал, выявляя демоническое в образе России в лирическом отступлении в конце первого тома *Мертвых душ*.

В предлагаемом исследовании делается попытка сочетания двух указанных подходов – интерпретации женской темы *Выбранных мест* как результата преображения образов предшествовавшего творчества, с одной стороны, и выявления ее стилистических особенностей, с другой.

К женщинам обращены четыре письма: II «Женщина в свете», XXI «Что такое губернаторша», XXIV «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту,

---

[4] Василий Гиппиус, *Гоголь*, Василий Зеньковский, *Н. В. Гоголь*, Санкт-Петербург: Logos, 1994, 134.

[5] *Там же*, 136.

[6] См.: *там же*, 136–145.

[7] *Там же*, 139.

[8] Alexander Zholkovsky, «Rereading Gogol's Miswritten Book: Notes on *Selected Passages from Correspondence with Friends*», *Essays on Gogol. Logos and the Russian Word*, Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1992, 177.

[9] *Там же*, 184.

[10] Михаил Эпштейн, «Ирония стиля: демоническое в образе России у Гоголя», *Новое литературное обозрение* 19, 1996, 129.

при нынешнем порядке вещей в России» и XXVI «Страхи и ужасы России». Развиваемая в них женская тема будет рассмотрена здесь в ее единстве, без разделения на то, что Гоголь констатирует как присущее женщине, и то, что он считает для нее возможным, с одной стороны, и без разграничения адресатов посланий, которые рассматриваются как фиктивные, сконструированные писателем образы[11]. Именно в таком понимании они могут быть сопоставимы с женскими персонажами *Мертвых душ* и других произведений.

Существует общее место в первом томе *Мертвых душ* и в *Выбранных местах*, в котором говорится о вине женщин во взяточничестве собственных мужей. В *Мертвых душах* Чичиков сердито рассуждает:

> Разрядились в бабьи тряпки! Невидаль, что иная завертела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата. Ведь известно, зачем берешь взятку и покривишь душой: для того чтобы жене достать на шаль или на разные роброны.[12]

В *Выбранных местах* с пафосом социального разоблачения заявляется:

> Большая часть взяток, несправедливостей по службеи тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и нечиновников всех классов, произошла или от расточительности их жен, которые так жадничают блистать в свете большом и малом и требуют на то денег от мужей, или же от пустоты их домашней жизни, преданной каким-то идеальным мечтам, а не существу их обязанностей. (VI, 192)

Это совпадение – как плоскость зеркала, по одну сторону которого полстраницы описания женских нарядов на губернаторском балу и разговор приятных дам[13], а с другой – наставление губернаторше:

> Гоните роскошь [...] Не пропускайте ни одного собрания и бала, приезжайте именно затем, чтобы показаться в одном и том же платье [...]. Хвалите на всех только то, что дешево и просто. Словом, гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть. (VI, 265)

Уже цитировавшееся указание Гиппиуса на преображение *бабенки* в примерную хозяйку – основной аспект превращений, которые выпали на долю гоголевских образов женщин в *Выбранных местах*. В этом отношении показательна разница между таким персонажем *Мертвых душ*, как жена Манилова, и идеальной хозяйкой гоголевской утопии. Первая воспитана в пансионе, где

> как известно, три главных предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. (V, 25)

---

[11] О литературной природе *Выбранных мест* см.: Ruth Sobel, *Gogol's Forgotten Book*, Washington, D. C.: University Press of America, 1981, 163. Историко-биографический анализ этих писем дан в отдельной главе книги Юрия Барабаша *Загадка «Прощальной повести» Н. В. Гоголя*, Москва: Художественная литература, 1993, 64–104.

[12] Николай Гоголь, *Собрание сочинений: В 7-ми томах*, т. 5, Москва: Художественная литература, 1978, 166. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в скобках после цитаты с указанием римской цифрой тома издания и арабской – страницы.

[13] В эту компанию можно включить и жену городничего в «Ревизоре», которая четыре раза в день меняет платья и своей дочери говорит: «Перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать» (IV, 72).

По поводу ведения хозяйства соответственно такому образованию Гоголь иронизирует:

> Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой [...] Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. (V, 25)

Программа для хозяйки *Выбранных мест* основана на пресловутой теории «семи куч», на которые должны быть распределены и соответственно потрачены деньги. Комичность этой системы в гоголевском изложении компенсируется тем, что высшая цель проявления бережливости в хозяйстве – закалка характера («Укрепясь в деле вещественного порядка, вы укрепитесь нечувствительно в деле душевного порядка» (VI, 304)), который нужен для того, чтобы иметь силу **управлять мужем**:

> Все у нас теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножье всего и в раба самых пустейших обстоятельств [...] Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит! Стало так теперь все чудно, что жена же должна повелеть мужу, дабы он был ее глава и повелитель. (VI, 305)

Двусмысленность последнего предложения в этом пассаже не отменяет высказанной здесь новой для Гоголя идеи, которая повторяется и в других местах, – идеи **преимущества женщин** над мужчинами, с их врожденной, как вытекает из логики следующего утверждения, аморальностью:

> Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки. (VI, 192)

Сравнение полов у Гоголя никогда не выходило на поверхность текста. Изображение женщины раздваивалось по общему принципу гоголевской поэтики – или предельное вознесение, или приниженение, как, например, в описании итальянских женщин: «Или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразные; средины нет между ними: хорошеньких нет» (III, 202). Имея в виду указанную Карлинским тенденцию делать протагонистами произведений мужчин, а женщин изображать как несущими для них неизбежную гибель[14], можем предполагать, что симпатии автора, хотя и не выражены эксплицитно, были на стороне мужчин. В *Выбранных местах* ситуация кардинально меняется:

> Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на все благородное; [...] Если только сумеете [...] очертить перед женщиной ее высокое поприще, которого ждет от нее мир, – ее небесное поприще быть воздвижницей нас на все прямое, благородное и честное, кликнуть клич человеку на благородное стремление, то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнет вся вдруг, взглянет на самую себя, на свои брошенные обязанности, подвигнет себя самую на все чистое, подвигнет своего мужа на исполнение честного долга и, швырнувши далеко в сторону свои тряпки, всех поворотит к делу. Клянусь, женщины у нас очнутся прежде мужчин, благородно попрекнут нас, благородно хлестнут и погонят

[14] См.: Karlinsky, 1992, 109–112.

нас бичом стыда и совести, как глупое стадо баранов. (VI, 283–284)

И в другом письме:

Я бы вам назвал многих таких, которые составят когда-нибудь красоту земли русской и принсут ей великолепное добро; но к чести вашего пола я должен сказать, что женщин еще больше. Целое жемчужное ожерелье их хранит моя память. (VI, 309–310)

Любопытным является тот факт, что противопоставляя женщину мужчине, Гоголь одновременно сопоставляет ее со **священником**. И женщина, и священник несут ответственность за негативные явления современности:

Мужья не позволили бы себе и десятой доли произведенных ими беспорядков, если бы их жены хотя сколько-нибудь исполняли свой долг; (VI, 192)

Причина злу всего есть та, что священники стали нерадиво исполнять свои должности. (VI, 282)

Но и женщина, и священник – первая по природе, а другой, каждый день вспоминая о своем ничтожестве перед Богом, – имеют более реальную возможность приближаться к истинному пути.

Неожиданное в привычном гоголевском контексте заявление о преимуществе женщин перед мужчинами по своей радикальности сопоставимо лишь с самим фактом появления *Выбранных мест,* и этим как бы освещает характер всей книги и той тенденции, в силу которой она появилась. Это была кардинальная переоценка современного состояния мира, которое объективно являлось результатом мужской активности. Поэтому, когда Гоголь подошел к проблеме соотношения полов, естественным было перевернуть существовавшую здесь субординацию вверх ногами.

Уже первое письмо, следующее после «Завещания», «Женщина в свете», заключает в себе явно профеминистское заявление:

Влияние женщины может быть очень велико, именно теперь, в нынешнем порядке или беспорядке общества, в котором, с одной стороны, представляется утомленная образованность гражданская, а с другой – какое-то охлаждение душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворения. Чтобы произвести это оживотворение, необходимо содействие женщины. (VI, 191–192)

Названные здесь «утомленная образованность» и «охлаждение душевное» – те черты современности, для изживания которых необходима помощь женщины и по контрасту с которыми определяется ее программа.

Критика рациональности, которая красной нитью проходит через всю книгу, основана Гоголем на градуированном понятии *ума – разума – мудрости.* Он отрицает «чужой, мертвый ум» (VI, 311), который ограничивает человека: «Чего не видит его ум, того для него нет» (VI, 376). По его убеждению, «ум идет вперед, когда идет вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы» (VI, 376), поэтому «ум не есть высшая в нас способность» (VI, 231). Он подвластен страстям, победой над которыми достигается несравненно высшая ступень – разум: «Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием» (VI, 231). А высшее достижение для человека – «мудрость, и ее может дать нам один Христос» (VI, 231).

В этой универсальной иерархии человеческих способностей женщина не

составляет исключения – «умная и все испытавшая с своей гордой самонадеянностью», она не сможет «обратить на путь нынешний свет», «ее наиумнейшие убеждения [...] в виде злых эпиграмм посыплются обратно на ее же голову» (VI, 195). Это сказано о «женщине современной», образованной женщине XIX века. Показательно, что в сфере умственной деятельности она не окажется лучше мужчины:

> Но только выполните за сим следующую просьбу добросовестно, как только можно, – не так, как привыкла исполнять ваш брат – страстная женщина, которая из десяти слов восемь пропустит и ответит только на два, затем что они пришлись ей как-нибудь по сердцу, но так, как наш брат – холодный, бесстрастный мужчина. (VI, 276)

Парадоксально, но именно «страстная женщина» и важна Гоголю в его утопическом проекте. «Страстная» – как противоположность «умной», как «неумная», противоядие «утомленной образованности».

Особенно в этом отношении показательно пресловутое письмо «Что такое губернаторша», блестяще проанализированное Жолковским, который указал на типичность этого гоголевского текста с его неконтролируемым виртуальным сказом и полифонией, а также на современный характер техники общественных связей (*public relations*), которой Гоголь обучает своего адресата[15]. Вся система общения губернаторши с городом основана на ее душевных возможностях. Она должна «быть другом всем без исключения» (VI, 276), «всех любить, особенно тех, в которых побольше дрянца» (VI, 277), «не оставлять вовсе спихнутого с места чиновника, как бы он дурен ни был» (VI, 280), «глядеть на весь город, как лекарь глядит на лазарет» (VI, 275). Мало того, Гоголь еще советует: «Глядите же так, но прибавьте к этому кое-что, а именно: уверьте самую себя, что все больные, находящиеся в лазарете, суть ваши родные и близкие к сердцу вашему люди» (VI, 27). Как образец он указывает губернаторше одну из ее предшественниц, которая

> не завела никаких заведений, ни приютов, не прошумела нигде дальше своего города, не имела даже никакого влияния на своего мужа и не входила ни во что, собственно правительственное и официальное, а между тем доныне никто в городе не может о ней вспомнить без слез. (VI, 274)

Противопоставление пустой активности и деятельной пассивности соответствует общей тенденции *Выбранных мест*. Как отметил Манн, «многое в гоголевских рекомендациях рассчитано на представление, на соблюдение формы, от которого словно сама собой должна перемениться сущность»[16]. Однако любопытно, что и в этом отношении рядом с женщиной оказывается священник, который

> должен выступить так перед народом, чтобы уже от одного его смиренного вида, потухнувших очей и тихого, потрясающего гласа, исходящего из души, в которой умерли все желания мира, все бы подвигнулось еще прежде, чем он объяснил бы самое дело. (VI, 213)

Одна из традиций, к которым Гоголь обращается в созидании идеального образа женщины, – традиция *Домостроя*, запрограммированная высокой оценкой

[15] Zholkovsky, 1992, 179–181.

[16] Юрий Манн, «Гоголь – критик и публицист» (VI, 484–485).

крестьянского уклада жизни. В его представлении, образ жизни крестьян должен лечь в основу социальных преобразований, направленных на «патриархальность жизни», «выведение вон моды с ее пустыми этикетами» и «укрепление тех русских обычаев, которые на самом деле хороши» (VI, 327). Более того, определяя идеал общественной жизни, Гоголь обращается или к *Одиссее* с ее архаической картиной мира, или же к современной крестьянской России с ее «преимуществами нашего крестьянского быта» (VI, 325–326). Поэтому, как бы учитывая «мужицкую психологию», он советует молодому помещику:

> Держи у себя в запасе все синонимы молодца для того, кого нужно подстрекнуть, и все синонимы бабы для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже... (VI, 289)

Бранное слово, которое выбирает Гоголь, оказывается подходящим даже по двум причинам: оно не только устыдит мужчину, но и в очередной раз укажет женщине ее место, предусмотренное *Домостроем*.

Однако подобные примеры в *Выбранных местах* единичны. Общая тенденция книги, связянная с проблематикой «домостроения», может быть названа **модернизацией патриархата**.

Традицию патриархата воскрешает замысловатый пассаж о том, что «жена должна повелеть мужу, дабы он был ее глава и повелитель» (VI, 305). Внимание, которое Гоголь уделяет семье, поразительно в свете того факта, что, как отметил Карлинский, в гоголевском творчестве «начиная *Миргородом* мужские персонажи, стремящиеся к любви, браку или сексуальному овладению женщиной, срочно и неизбежно наказываются смертью, унижением или разного рода катастрофами»[17]. Как примеры приводятся Андрий Бульба, Хома Брут, Пирогов, Пискарев, Акакий Акакиевич в своей странной привязанности к шинели, Чичиков. На основе таких наблюдений исследователь делает предположение о неизменной боязни Гоголя женщины и брака, которую он посредством подобных мотивов рационализировал как для себя, так и для мира[18].

Тем не менее, сооружая мыслительное здание своего утопического проекта, в его фундамент Гоголь кладет правильное «устройство дома». И недаром высшей степенью самоотречения художника Александра Иванова считает отказ от «мысли завестись когда-либо женою и семейством» (VI, 301).

Модель семьи, какую предлагает Гоголь, довольно оригинальна. С одной стороны, она отличается архаикой (муж – глава и повелитель), но с другой, тяготеет к современному пониманию партнерства в семье:

> Вы должны знать непременно существо его должности, и в чем состоит его часть, и какие дела случилось ему вершить в тот день, и в чем именно они состояли. Не пренебрегайте этим и помните, что жена должна быть помощницей мужа. (VI, 305)

Можно отметить, что, в сущности такой подход сугубо патриархален: «Во времена патриархата женщина раскрывается в первую очередь как жена [...] Ева сначала выступает как подруга Адама, и только потом как праматерь чело-

[17] Karlinsky, 1992, 35–37.
[18] См.: *там же*.

вечества»[19], – утверждает Симон де Бовуар. Интересно, что обязанности матери и впрямь не входят в программу Гоголя. О материнстве вообще не говорится. Алкид и Фемистоклюс из *Мертвых душ* не получают перспективы для преображения. Можно предположить, что они не предусмотрены в утопии Гоголя еще и потому, что, согласно патриархальным нормам, должны полностью следовать своему отцу. Отец же подчиняется влиянию жены, в чем и должно усмотреть оригинальность Гоголя, который этим нововведением любопытно превращает или, в зависимости от точки зрения, тонко раскрывает патриархальную модель. Интереснее всего то, что признавая неограниченные возможности жены как манипулятора собственным мужем, он остается верен себе предыдущему: проходящий через все творчество Гоголя мотив женского насилия над суверенностью мужского существования[20] в *Выбранных местах* лишь меняет свою оценку, по сути, являясь константой сюжетного развития.

Тенденция в сторону модернизированной патриархальности в *Выбранных местах* встречается с другой – тенденцией романтизации образа женщины. Нельзя говорить, чтобы эти два направления в развитии женской темы были противоположны. В определенной точке гоголевского мира они пересекаются. Однако им присущи разные типы дискурса, на основе которых и возможно их разграничение. Если тема семьи развивалась в XXIV письме «Чем может быть жена для мужа...» с его бытовыми темами, то романтизация женского образа присуща письму «Женщина в свете». В нем представляется программа преодоления «охлаждения душевного».

В отличие от «современной женщины – умной и всезнающей», женщина-спасительница обладает «другими орудиями» – красотой, неопозоренным именем и «властью чистоты душевной». Два аспекта в развитии этой мысли важны для понимания внутри- и внешне-текстовых связей гоголевского представления об идеальной женщине – ее физическая **красота** и ее **голос**.

> Красота женщины еще тайна, – рассуждает Гоголь. – Бог не даром повелел иным из женщин быть красавицами; недаром определено, чтобы всех равно поражала красота [...] Если уже один бессмысленный каприз красавицы бывал причиной переворотов всемирных и заставлял делать глупости наиумнейших людей, что же было бы тогда, если бы этот каприз был осмыслен и направлен к добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно перед другими женщинами! (VI, 193)

Красота здесь понимается как дарованное Богом орудие манипуляции теми, кто поражен ею: «Мне признавались наиразвратнейшие из нашей молодежи, что перед вами ничто дурное не приходило им в голову [...] Вот уже одно влияние, которое совершается без вашего ведома от одного вашего присутствия!» (VI, 193–194).

Мотив поражающей женской красоты отсылает к раннему этюду Гоголя «Женщина» с его заключительной картиной, в которой юноша повергнулся «к ногам гордой красавицы» (VI, 11) Алкинои, а также к ряду вариаций этого женского образа (польской панночке в «Тарасе

[19] Simone de Beauvoir, *Antroji lytis*, Vilnius: Pradai, 1996, 191.

[20] См.: Karlinsky, 1992, 70–76 и др.

Бульбе», губернаторской дочке в *Мертвых душах*), которые в творчестве Гоголя далеко неоднозначны, своим появлением преображающие жизнь главного героя, даруя ему любовь и смерть (в случае Андрия), неоправданные мечты и разоблачение (в случае Чичикова)[21]. С другой стороны, такая важная для Гоголя тема, как указанное Гиппиусом «вторжение демонического в *прекрасное*»[22], когда прекрасное – женская красота («Невский проспект», «Вий», в «Портрете» прекрасное – искусство), здесь радикально превращена: в *Выбранных местах* женская красота предстает в сопровождении «*небесного*[23] беспокойства о людях, такой *ангельской* тоски о них» (VI, 194).

Следует заметить, что, как и в развитии темы демонического, красота женщины в *Выбранных местах* сближается с искусством. Дело в том, что в ипостаси представлять в мире **деятельную красоту** (понятие по аналогии с «деятельным добром») женщина не одинока. Та же логика свойственна и гоголевскому дискурсу о переведенной Жуковским *Одиссее*. Как и в случае обращения к «оживотворяющей» роли женщины, гармонизирующее воздействие этого произведения соотносится с проблемами современной цивилизации:

> По-моему, все нынешние обстоятельства как бы нарочно обстановились так, чтобы сделать появление «Одиссеи» почти необходимым в настоящее время: в литературе, как и во всем, – *охлаждение*. [...] именно то время, когда слишком важно появленье произведения стройного во всех частях своих, которое изображало бы жизнь с отчетливостью изумительной и от которого повевало бы спокойствием и *простотой почти младенческой*. (VI, 205)

Одиссея, по мнению Гоголя, воплощает идеал мироустройства и человеческих отношений: она «поразит величавою патриархальностию древнего быта, *простой несложностью* общественных пружин, *свежестью* жизни, непритупленной *младенческою ясностью* человека» (VI, 210–211).

Составные понятия общего описания картины мира в *Одиссее* почти дословно перенесены на определение **разговоров** женщины:

> Вносите в свет те же самые *простодушные* ваши рассказы, которые так говорливо у вас изливаются, когда вы бываете в кругу домашних и близких вам людей, когда так и сияет всякое *простое слово* вашей речи, а душе всякого, кто вас ни слушает, кажется, как будто бы она *лепечет с ангелами* о каком-то *небесном младенчестве* человека. (VI, 195)

Мотив **голоса** здесь может быть соотнесен с платоновским понятием живого слова, воздействующего на *душу* слушателя:

> Ваш голос, от постоянного устремленья вашей мысли лететь на помощь человеку, приобрел уже какие-то *родные* звуки всем, так что, если вы заговорите в сопровожденье чистого взора вашего и этой улыбки, [...] то каждому кажется, как бы заговорила с ним какая-то *небесная родная* сестра. Ваш *голос* стал всемогущ; вы можете повелевать и быть таким деспотом, как никто из нас. Повелевайте же *без слов*, одним *присутствием* вашим; повелевайте самим бессилием своим, на которое вы так негодуете; повелевайте и именно той *женской прелестью* вашей, которую, увы! уже утратила женщина нынешнего света. (VI, 194–195)

---

[21] См.: *там же*, 28.

[22] Гиппиус, 1994, 44.

[23] Здесь и во всех последующих цитатах курсив мой – И. В.

Можно заметить, что звуковое воздействие предполагается и в случае поэмы Гомера: «В «Одиссее» *услышит* сильный упрек себе наш девятнадцатый век» (VI, 211).

Подобными стилистическими сближениями выявляется эстетическая сущность творимого Гоголем образа женщины, который в этом отношении подключается к обширнейшей металитературной теме *Выбранных мест*, главным героем которой, по определению Лины Бернстейн, является «язык и божественная мудрость, в нем таящаяся»[24]. Одновременно важно и то, что языковое воплощение женской темы стилистически тяготеет и к описанию общественного идеала Гоголя. В заключительном письме «Светлое Воскресенье» говорится:

> И человеку ли такого века уметь полюбить и почувствовать христианскую любовь к человеку? Ему ли исполниться того *светлого простодушия* и *ангельского младенчества*, которое собирает всех людей в одну семью? (VI, 377)

Указанные параллели – не единственные. Подобная стилистическая окрашенность присуща и описанию высшей ступени умственных способностей человека – **мудрости**, «которую может дать нам один Христос» и которая достигается, «возводя душу свою до *голубиного незлобия* и убирая все внутри себя до возможнейшей *чистоты*, чтобы принять эту *небесную гостью* ...» (VI, 231). В понятиях «голубиного незлобия», «небесной гостьи» продолжена та же изотопия *небесного*, которая создавалась мотивом голоса в письме «Женщина в свете». Таким образом, интерпретация Михаила Вайскопфа, трактующая женщину *Выбранных мест* как Богоматерь или масонскую Софию[25], здесь получает дополнительные аргументы на уровне лексических совпадений: небесная гостья – мудрость – прямо соотносится с голосом женщины, не развращенной рациональностью, но пребывающей в силу своей женственности в «младенческом состоянии души».

В таком контексте женщина *Выбранных мест* может быть признана аллегорией, как это делает Бернстейн, считая, что «данное письмо может быть интерпретировано как аллегория божественного присутствия в мире добра и красоты»[26]. Однако существуют и другие контексты, с которыми стилистически соотносим образ женщины *Выбранных мест*, и в данной соотнесенности он сохраняет черты художественного характера.

В первой поэме Гоголя *Ганц Кюхельгартен* с подзаголовком «Идиллия в картинах» образ возлюбленной главного героя Луизы включает определения, примерно через двадцать лет прозвучавшие в *Выбранных местах*: «*Ангел светлый*, блистала прелестью *речей*», «все *простодушно* в ней [...] все *детски* в ней *красноречиво*» (I, 216), «*простодушна* и одна Луиза-*ангел*» (I, 218), «с каким восторгом чувст живым *простые речи* говорила!» (I, 232). Данные созвучия первой и третьей (*Выбранные места*) идиллий Гоголя, как их обозначил Гиппиус[27] (вторая – «Старо-

[24] См.: Lina Bernstein, *Gogol's Last Book: The Architectonocs of Selected Passages From Correspondence with Friends* (Birmingham Slavonic Monographs No. 24), Birmingham: Dept. of Russian Language and Literature; University Birmingham, 1994, 42.

[25] Михаил Вайскопф, *Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст*, Москва: Радикс, 1993, 489.

[26] Bernstein, 1994, 60.

[27] См.: Гиппиус, 1994, 132.

светские помещики»), позволяют предполагать, что линия персонажей, которую продолжает женщина *Выбранных мест*, идет от Луизы с ее мотивом детского простодушия через Пульхерию Ивановну – преуспевающую хозяйку и заботливую жену (и совершенно асексуальную женщину, – как добавил бы Карлинский[28]).

Знаменательно, что эту линию продолжает образ Улиньки Бетрищевой из сохранившихся глав второго тома *Мертвых душ*:

> При ней как-то смущался недобрый человек и *немел* [...] казалось, что где-то и когда-то он знал ее [...] во дни какого-то незапамятного *младенчества*, в каком-то *родном* доме, веселым вечером [...] и надолго после того становился ему скучным *разумный возраст* человека». (V, 383)

Совпадения в описаниях Улиньки Бетрищевой и женщины из письма «Женщина в свете» могут быть объяснены тем, что *Выбранные места* писались одновременно с вторым томом *Мертвых душ*. Это, однако, не отменяет важности традиции, начатой первым печатным произведением Гоголя. Как характер, Улинька является наиболее психологически сложным женским персонажем писателя. Такие черты ее личности, как своенравие, внезапный гнев, обостренное чувство справедливости, стремительность в поступках, явно предсказывают страстных героинь Достоевского, и в этом отношении продолжившим слово Гоголя. В перспективе этого образа женская тема *Выбранных мест* может рассматриваться как подготовительный этап в создании полноценного художественного образа.

Выводы

Образ женщины в *Выбранных местах* органично связан с предшествующим творчеством Гоголя, отражаясь в нем как в зеркале, меняя левое на правое, отрицательное – на положительное. Это превращение затронуло как отдельные мотивы женской темы (например, вина жен во взяточничестве мужей, нерадивое ведение хозяйства), так и общую трактовку семьи, брака, отношений между мужчиной и женщиной.

Совершенно новая идея Гоголя – преимущество жены над собственным мужем, который без нее не может ориентироваться в вопросах добра и зла. Это преимущество переносится и на сравнение мужчины и женщины: женщины признаются лучше, более способными на благородный поступок. Вместе с этим, Гоголь не считает, что преимущество женщины абсолютно. Соответственно общей тенденции критического отношения к просветительской рациональности женский образ в *Выбранных местах* не отличается умственными способностями. Те негативные черты современности, в борьбе с которыми нужна помощь женщины, – «утомленная образованность» и «охладение душевное» как следствие мужской активности – требуют других, сердечных качеств.

Важно отметить и то, что противопоставляя женщину мужчине, писатель сопоставляет ее со священником – и в степени ответственности, и в надежде на их преображение. Таким образом, «полное оцерковление мира», которое, согласно

[28] См.: Karlinsky, 1992, 62–67.

Мочульскому[29], является завершающей идеей книги Гоголя, предполагает выдвижение на первый план не только роли священника (что было бы естественно), но и роли женщины.

В описании идеала женщины Гоголь обращается к двум традициям. Одна из них – традиция *Домостроя*. Писатель проповедует патриархальную модель семьи, в которой муж – глава и повелитель. Но, с другой стороны, отношения в семье представляются ему как партнерские – жена является другом мужа, помогает ему разбираться в служебных делах. Материнство совершенно обойдено в *Выбранных местах*. Все педагогические усилия жены направляются в сторону мужа. Цель женской манипуляции мужем – научить его управлять своей женою – опровергается средствами ее достижения. Поэтому можно говорить о модернизации патриархата в утопическом проекте Гоголя.

Другая традиция *Выбранных мест* в изображении женщины проявляется в романтизации ее образа особым дискурсом, стилистические средства которого подключают женскую проблематику к самой важной теме *Выбранных мест* – к теме литературы, а также к таким существенным мотивам, как Воскресение и Богом даруемая мудрость. Благодаря этому, женская тема попадает в общую парадигму идеала, который в силу такой соотнесенности приобретает черты женского бытия.

Если попытаться установить преемственность этого образа в творчестве Гоголя, то исходным для него окажется образ Луизы из поэмы *Ганц Кюхельгартен*, а продолжение он получит в образе Улиньки Бетрищевой из сохранившихся глав второго тома *Мертвых душ*. Такая последовательность позволяет предполагать, что идиллическая сторона творчества Гоголя в конечном счете оказалась той почвой, на которой формировался и развивался его положительный эстетический идеал.

[29] См.: Константин Мочульский, *Духовный путь Гоголя*, Paris: YMCA-Press, 1934, 101.

MOTERS REPREZENTACIJA N. GOGOLIO *PASIRINKTOSE VIETOSE IŠ SUSIRAŠINĖJIMO SU DRAUGAIS*

Inga Vidugirytė

Santrauka

Moters reprezentacija Gogolio tekstuose paklūsta bendriems jo kūrybos principams ir skleidžiasi kaip vienas iš jo „stiliaus ironijos“ pavyzdžių.

Pasirinktos vietos buvo išleistos vietoj antrojo *Mirusiųjų sielų* tomo, kuris turėjo pateikti pozityvų idealą, konfrontuojantį su pirmojo tomo, o ir visos ankstesnės kūrybos „išsigimėlių“ pasauliu. *Pasirinktose vietose* išsaugoti tie patys motyvai, kurie buvo svarbūs ankstesniuose kūriniuose (žmonų kaltė dėl vyrų kyšininkavimo bei dėl nuskurdintų valstiečių būklės; apleistas namų ūkis), tačiau Gogolio utopiniame modelyje moters vaidmens įprasminimas yra apverstas: jo ideali šeimininkė gali įveikti šias negeroves. Kitaip nei ankstesnėje kūryboje, teigiamai traktuojama ir pati šeimos institucija.

Visiškai nauja *Pasirinktų vietų* idėja - žmonos pranašumas moralės klausimais: moterys geresnės ir kilnesnės už vyrus. Tačiau Gogolio moteris nepasižymi

protu. Kritikuodamas „išvargusį išsilavinimą" ir „dvasinį atšalimą" kaip didžiąsias laikmečio blogybes, rašytojas nori matyti moterį kitokią nei vyras, kurio veikla ir privedė prie šiuolaikinio pasaulio krizės.

Įdomu, kad Gogolis moterį prilygina šventikui. Abu jie atsakingi už dabarties negeroves, tačiau abu yra labiau priartėję prie išsigelbėjimo: šventikas dėl nuolatinių minčių apie savo menkumą Dievo akivaizdoje, moteris – dėl savo prigimties kilnumo. Veikimo būdas, kurį jiems nurodo *Pasirinktų vietų* autorius, taip pat yra panašus: ne aktyvi veikla, bet pasyvus *atrodymas* taip, kad jų siekiai be žodžių būtų akivaizdūs (čia Gogolio utopizmas pasiekia aukščiausią tašką). Tad „visiškas pasaulio subažnytinimas", kuris, anot K. Močiulskio, yra galutinė Gogolio knygos idėja, remiasi ne tik šventiko, bet ir moters vaidmens sureikšminimu.

Aprašydamas moters idealą Gogolis orientuojasi į dvi tradicijas. Viena jų – *Domostrojus*, XVI a. tekstas, reglamentuojantis žmogaus buitį. Rašytojas gina patriarchalinį šeimos modelį, kur vyras reiškiasi kaip galva ir lėmėjas. Tačiau, kita vertus, santykius šeimoje jis įsivaizduoja kaip partnerystę – žmona yra vyro draugė, padeda jam ir tarnybos reikaluose. Beje, motinystė *Pasirinktose vietose* neminima, visos pedagoginės žmonos pastangos skiriamos vyrui. Moters manipuliacijos vyru tikslas – išmokyti jį vadovauti savo žmonai. Todėl galima kalbėti apie patriarchato modernizaciją utopiniame Gogolio projekte.

Kita tradicija vaizduojant moterį *Pasirinktose vietose* – jos paveikslo romantizavimas, pasiekiamas ypatingo diskurso dėka. Stilistinės šio diskurso savybės – tokių sąvokų kaip *naivumas*, *paprastumas*, *angeliškumas*, *dangiškumas*, *kūdikystė*, *tyrumas*, *šviesumas*, *balandiškumas* kompleksas – suartina moters paveikslą su Žukovskio išverstos *Odisėjos* pasaulėvaizdžio aprašymu ir kartu – su esmine *Pasirinktų vietų* tema – kūryba ir literatūra, taip pat su tokiais svarbiais knygos motyvais kaip *Prisikėlimas* ir *Dievo teikiama išmintis*. Dėl šių suartinimų moters tema patenka į bendrą Gogolio idealo paradigmą, suteikdama jai moteriškų prasmių. Tokio romantizuoto moters paveikslo tradicija Gogolio kūryboje prasideda Luizos paveikslu poemoje *Hancas Kiuchelgartenas*, o pabaigiama Ulinkos Betriščevos portretu išlikusiuose antrojo *Mirusių sielų* tomo skyriuose. Tokia seka leidžia spėti, kad idiliškoji Gogolio kūrybos srovė galiausiai tapo pagrindu, kuriuo remiantis formavosi jo teigiamas estetinis idealas.

REPRESENTATION OF WOMAN IN GOGOL'S *SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS*

Inga Vidugirytė

Summary

This paper presents some notes on Gogol's theme of woman in *Selected Passages From Correspondence with Friends*. Gogol published this book instead of the second volume of *Dead Souls* and it became almost an antithesis to the former work. Many themes of Gogol are reflected here as in mirror where left is changed for right and negative evaluation becomes positive. The theme of woman follows a similar passage of transformation. This is true for general attitude towards family as well as for individual aspects (e.g. blaming women for the bribery their husbands are involved into).

Selected Passages are shaping new thoughts on woman's superiority over man who, according to Gogol, is incapable to solve moral problems by himself. However, the advantages of woman over man are not presented as absolute. Women cannot overcome men in mental abilities, but this works as an advantage, since most problems of the 19th century have been caused by the brainwork of men.

While confronting woman to man, Gogol compares her with a priest. Both of them are responsible for the evils of life, but both of them have more chances to find a right path.

Gogol employs two traditions in constructing the ideal image of woman. One of them is related to *Domostroy*. Gogol advocates a patriarchal model of family where man is the leader and the decision-maker. It should be recognised that this model is modernised by stating that wife is a friend and a helping hand for the husband. Pedagogical abilities of wife are seen as only applicable towards her husband.

Surprisingly, maternity is not discussed in *Selected Passages* at all.

Another tradition manifests itself by romanticising woman. The stylistics employed here let us compare the theme of woman with the main topics of *Selected Passages* such as Literature and Resurrection. The tradition of this image is opened by the first published work of Gogol – the idyllic poem *Ganz Küchelgarten* – and is closed by the description of Ulinka Betrishcheva in the second volume of *Dead Souls*. This sequence suggests that the idyllic side of Gogol's work was the right place to shape his positive aesthetic ideals.

Получено: 2002, октябрь
Принято: 2002, декабрь

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
ул. Университето 5
LT-2734 Вильнюс
E-mail: inga.vidugiryte@flf.vu.lt